

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

КРИЗИСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: АРАБСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

И.В. Кудряшова

Кафедра сравнительной политологии
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
просп. Вернадского, 76 Москва, Россия, 119454

Статья содержит анализ политических изменений в арабских государствах, выявленных «арабской весной». Ее события представлены как выражение дестабилизации политических систем под влиянием растущих массовых ожиданий в условиях непрочных связей между различными социальными группами и невысокой эффективности и легитимности политических институтов. Кризисы развития исследуются в контекстах режимных изменений, формирования новых политико-культурных ориентаций граждан и институционального строительства.

Ключевые слова: арабское государство, режимные изменения, демократизация, политические институты, политический ислам.

С начала массовых протестных выступлений на Арабском Востоке, получивших общее название «арабской весны» («арабского пробуждения»), прошло уже немало времени, однако в научном сообществе по-прежнему нет единства в оценке этих и дальнейших событий (последние иногда именуют «арабской зимой»). Наряду с исследованиями, посвященными изменениям политических институтов стран региона, факторам нестабильности политических систем, отдельным казусам, опубликовано немало работ, где основной акцент сделан на угрозе исламского экстремизма или на участии Запада в подготовке «цветных революций» с целью устранения неугодных лидеров. Безусловно, направление анализа predetermined исследовательской, а иногда политической задачей автора. В этой статье мы хотим предложить прочтение арабских кризисов как кризисов политического развития (1) и вписать их в контекст мировой политики.

Несмотря на внешнюю разнородность (трудно поставить знак равенства между, например, падением власти Мубарака в Египте, гражданской войной в Сирии и «активными реформами» в Марокко) арабские события можно отнести к неизбежным эффектам неорганической модернизации. Внешнее влияние, особенно

заметное в Ливии и Сирии, существенно сказалось и сказывается на течении кризисов, но их источником выступают внутренние независимые переменные. В целом «арабскую весну» можно рассматривать как проявление дестабилизации политических систем под влиянием растущих массовых ожиданий в условиях непрочных связей между различными социальными группами (последнее можно также определить как незавершенность национального строительства) и невысокой эффективности и легитимности государственных институтов. Иными словами, до начала протестов и в ряде случаев после их ослабления политические институты не смогли справиться с тем, что политологи называют давлением среды. При этом ускорители кризиса в каждом из случаев были, безусловно, свои. Ниже мы проведем анализ этого процесса в трех плоскостях: режимных изменений, формирования новых политико-культурных ориентаций граждан и институционального строительства.

Авторитаризм и стабильность

Привлекательной чертой недемократических режимов часто полагают способность поддерживать стабильность и сглаживать социальные издержки неорганической модернизации. В арабском регионе представлены как авторитарные, так и гибридные формы недемократических режимов, которые обладают значительным «внутривидовым» разнообразием. Его отражает типология режимов Л. Даймонда, которая подразделяет гибридные режимы на режимы авторитарной электоральной гегемонии, соревновательного авторитаризма и так называемые «неоднозначные» (*ambiguous*) (См. [27]). Эксперты «Экономист интеллидженс юнит», осуществляющие регулярный мониторинг режимных изменений с 2006 г., оценивали средний уровень демократии в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (включая Израиль) в 2010 и 2011 г. соответственно в 3,43 и 3,62 балла при среднемировом значении 5,46 и 5,49 (2). В 2010 г. только три арабских режима отнесены ими к гибридным (Ливан, Палестина и Ирак), в 2011 г. к ним прибавился Тунис [24].

За счет чего арабским политическим элитам удавалось в 1990—2000-х гг. поддерживать стабильность в быстро меняющихся социальных и политических условиях? Конечно, не только путем репрессий. В первую очередь это объясняется использованием институтов, позволяющих сохранять политический эквilibrium в условиях появления новых групп интересов и социальных противоречий. Для арабских монархий, прежде всего аравийских, имеющих исторические ограничения на развитие публичных институтов, важным направлением стали административные реформы с целью повышения эффективности государственного управления.

Выразительными сигналами либерализации политических систем явились, например, учреждение (1993 г.) и последовательное расширение состава Консультативного совета, а также основание Центра национального диалога имени короля Абдель Азиза (2003 г.) в Королевстве Саудовская Аравия (КСА); возобновление парламентских выборов в Иордании (1989 г.) и на Бахрейне (2002 г.);

первые альтернативные прямые президентские выборы в Египте (2005 г.); повышение политической роли парламента и наделение женщин пассивным и активным избирательным правом в Кувейте (2005 г.). С 2004 г., после снятия западных санкций, в СМИ стали появляться материалы о подготовке конституции в Ливии.

Однако одновременно с либерализацией отмечалось усиление контроля над СМИ, реализацией политических прав и свобод и оппозицией (чаще всего под предлогом борьбы с экстремизмом). В первую очередь репрессивные меры касались влиятельных исламских политических организаций. Так, в Тунисе при формальном сохранении многопартийности в 1992 г. была запрещена партия «Ан-Нахда» («Возрождение») и обеспечена монополия на власть президентской Конституционно-демократической партии.

Мубарак сохранял в Египте действие закона о чрезвычайном положении 1981 г. (Асад в Сирии — аналогичного закона 1963 г.) и отказывался легализовать крупнейшую оппозиционную силу — Ассоциацию «Братьев-мусульман», члены которой были вынуждены участвовать в выборах либо в качестве независимых кандидатов, либо в блоке с другими партиями, заведомо проигрывая «партии власти». Поправки в конституцию, внесенные в 2007 г., окончательно закрепили запрет на создание партий на основе религии и ссылок на религию (См. [17]). Вместе с тем «непрямое» и ограниченное участие «Братьев» в выборах и в парламентской деятельности было выгодно правящей элите, поскольку способствовало расширению базы режима.

В Сирии сохранялось конституционное закрепление ведущей роли партии Баас, которой принадлежало и монопольное право выдвижения кандидата в президенты. Несмотря на обещание президента Асада-мл. осуществить либерализацию политической сферы в 2000 г. (включая ослабление цензуры и разрешение политических дискуссий), «дамасская весна» не продлилась и года.

И в Сирии, и в Египте значимую роль в общественно-политической жизни продолжала играть армия, имевшая собственную экономическую базу (контроль над частью госсектора): промышленные предприятия, строительный бизнес, пенсионные фонды, туризм и др.

В Ливии племенной этос был соединен Каддафи с «третьей мировой теорией», которая трактовала демократию как систему народного самоуправления. Всеобщий народный конгресс представлял собой разновидность «великого совета», одобрявшего решения первичных народных собраний. В таких условиях режим трансформировался в персоналистский.

В Йемене, несмотря на многопартийную систему, последние «предвесенние» выборы состоялись в 2003 г., когда подавляющее большинство получила президентская партия Всеобщий народный конгресс. Ввиду роста напряженности между правительством и оппозицией в 2009 г. была достигнута договоренность о проведении национального диалога и переносе выборов на 2011 г., однако Президент Салех проигнорировал призыв оппозиции к электоральной реформе и стал публично позиционировать своего сына в качестве преемника.

Эти примеры показывают, что выживаемость недемократических режимов покоилась на репрессивном принуждении и одновременно мерах по укреплению легитимности власти. Изнутри легитимность поддерживали новые или реорганизованные политические и общественно-политические институты (парламенты, выборы, партии, неправительственные организации) и либо бюрократическая ротация в элитах, либо их расширение за счет крупных предпринимателей, технократов и лояльной оппозиции. Идеологические ресурсы власти (арабский национализм, арабский социализм, неотрадиционализм) постепенно истощались, поскольку плохо соответствовали новым общественно-политическим реалиям. Вовне позиции арабских лидеров подкреплялись лозунгами начала «демократических реформ» и борьбы с исламскими экстремистами, а также курсом на либерализацию экономики.

Использование современных политических форм свидетельствовало о проникновении в регион новых политических стандартов. Умеренно-альтернативные выборы, расширение парламентского представительства и создание неправительственных организаций имели целью сохранить управляемость политической системы путем неформальных договоренностей с представителями традиционных элит на местах и дозированного доступа оппозиции в легислатуры. Большинство населения в силу доминирующего парохияльно-подданического типа политической культуры голосовало (там, где существовал институт выборов) не за программы или идею, а за кандидатов, которые, как предполагалось, обеспечат им определенные личные блага (помощь в поиске работы, получении лечения и др.). В 2000 г. в Египте 64,31% респондентов наиболее важным качеством политического кандидата назвали «способность быть полезным» (второе место с результатом 21,69% занял ответ «хорошая репутация») [40. Р. 62], при этом уровень электоральной активности оставался низким. Статичность политического процесса поддерживалась также использованием неформальных институтов для агрегации интересов (например, традиционных патрон-клиентских связей).

Как отмечает О. Харитонова, «институционализация в недемократических режимах создает устойчивость авторитарных практик и процедур» [14. С. 19]. По сути, новые институты способствовали не формированию системы урегулирования неизбежных в процессе политического развития кризисов, а нейтрализации потенциальных угроз правящим элитам. Однако отсутствие ценности (в глазах как населения, так и власти) и устойчивости этих политических организаций и процедур не смогло обеспечить социальную интеграцию в период, когда политическая система столкнулась с острым дефицитом ресурсов (См.: [12. С. 21—49]).

Арабские протесты в зеркале тренда демократизации

Демократизацию на Ближнем Востоке очень часто связывают с соответствующей политикой Запада, символом которой явилось вторжение коалиционных сил в Ирак (2003 г.) и его последующее «демократическое переустройство». Безусловно, курс на демократизацию региона имел немалое значение, однако прямое влияние США и ЕС на внутривнутриполитические процессы в арабском мире к кон-

цу первого десятилетия XXI в. стало заметно снижаться (подробнее этот момент будет рассмотрен ниже).

Теорию волн демократизации как тренда мирового развития разрабатывали многие политологи, предлагавшие в зависимости от интерпретации исторических событий различные варианты периодизации подъемов и спадов демократии. Наибольшую известность приобрел подход С. Хантингтона, который выделил три таких волны (См.: [13]).

К особенностям его концепции относятся минималистское понимание демократии (как политического участия, выборов, соревновательности и значимой связи между основными политическими партиями и электоратом) и включение в волну случаев «неполных переходов» — либерализации или частичной демократизации. Характеристику третьей волны он завершает периодом распада СССР (1991 г.).

По мнению многих исследователей, посткоммунистические режимные изменения имеют настолько яркие особенности (связанные в том числе со строительством новых государств на постимперском пространстве), что их следует выделять в особую волну — четвертую (См.: [41; 28; 46]). В таком ракурсе новую — пятую — волну образуют «цветные революции». При этом из-за ускорения динамики мировой политики новая волна может «перехлестывать» текущую, не дожидаясь ее отката (См.: [46]). Как представляется, выступления против авторитарной власти, рост гражданской активности и ее индивидуализация (3) в арабском мире вписываются не в параметры, но в логику пятой волны, и их можно считать прологом будущих демократических изменений.

Что позволяет так думать? Во-первых, во всех выступлениях выдвигались (и в настоящее время продолжают выдвигаться) лозунги борьбы с авторитаризмом, за демократию и права человека. Во-вторых, сами события имели массовый характер и развивались «снизу» (неслучайно некоторые из них получили название «революций без лидера»). В-третьих, в ряде стран политическая активность населения принесла свои плоды в виде организации новых партий, либерализации законодательства, расширения прав и свобод, демократических выборов. Это свидетельствует о постепенном изменении социально-политических ориентиров граждан и о стремлении к расширению политического участия.

Наиболее далеко по пути демократизации продвинулся Тунис, где в результате длительного политического торга в 2014 г. была принята конституция, перераспределяющая исполнительные полномочия в пользу подотчетного парламенту премьер-министра и использующая компромиссные формулировки относительно роли ислама в жизни общества (См.: [22]). В Марокко конституционная реформа 2011 г. расширила полномочия главы правительства, который стал назначаться по результатам парламентских выборов. Было сформировано коалиционное правительство, которое возглавил лидер прежде оппозиционной умеренно исламистской Партии справедливости и развития Бенкиран. Новая конституция Сирии, принятая в 2012 г., также сигнализировала о начале трансформации режима (она предусматривает многопартийность и более не содержит упоминаний о руководящей роли партии Баас и социализме) (См.: [15]).

В Саудовской Аравии в 2011 г. монарх издал указы, предоставившие политические права женщинам (участие в работе Консультативного совета, активное и пассивное избирательное право на муниципальных выборах 2015 г.).

Особого внимания заслуживают меры государства по усилению контроля над религиозной сферой, в частности, по «обюрокращиванию» улемов (См.: [2]), поскольку религиозный дискурс остается наиболее важным инструментом социальной политики и легитимации власти правящей семьи.

В 2011 г. был запущен механизм Национального согласительного диалога на Бахрейне. Первые в истории муниципальные выборы были проведены в 2012 г. в Омане (по их результатам четыре места завоевали женщины).

Возможно, самая неоднозначная ситуация сложилась в Египте, где в 2011—2013 гг. дважды силовым путем сменялась власть и были последовательно приняты две конституции. Ни одна из них — ни «исламистская» 2012 г., ни «военная» 2014 г. — не смогла стать основой национальной консолидации, о чем говорят результаты референдумов: в первом приняли участие 32% избирателей («за» — 64%), во втором — 38,6% («за» — 98,1%) [34; 45]. Конституция 2014 г. в целом расширила права и свободы человека, закрепила за парламентом право объявлять недоверие (и на определенных основаниях — импичмент) президенту и передала назначение генерального прокурора от президента к Высшему судебному совету. Вместе с тем она запретила создание партий на религиозной основе и легализовала участие армии в политическом процессе (См.: [16]). Новый глава государства ас-Сиси исключил из политического процесса не только «Братьев-мусульман», но и либеральные и левые силы, повысив тем самым уязвимость режима (в условиях падения популярности президента Мурси проведение запланированных парламентских выборов могло бы привести к легальному усилению/победе оппозиции, политическому торгу и дальнейшим политическим изменениям мирным путем).

В Ливии свержение Каддафи и рост политического насилия вызвали взрыв давних региональных противоречий и оформление нескольких центров влияния, что лишило демократически избранный парламент (2014 г.) возможности осуществлять власть на общегосударственном уровне. В Йемене, где также глубоки социокультурные расколы, компромисс, достигнутый после смены многолетнего политического лидера, оказался недолговечным и закончился вооруженным противостоянием.

Тем не менее, Индекс демократии 2012 г. отразил изменения в сторону повышения открытости политических систем ряда арабских стран: в число гибридных режимов вошли, помимо упоминавшихся выше, Ливия, Египет и Марокко, а общий региональный индекс несколько поднялся — до 3,73; в 2013 г. он снизился до 3,68 [25; 26].

Внешние факторы политических изменений

Успех операции по освобождению Кувейта в 1991 г. выявил новые возможности Запада в подключении ближневосточного региона к процессам формирования постбиполярного мира. В 1990—2000-х гг. арабские страны активно вовлекались

в различные проекты многостороннего сотрудничества, в том числе предусматривавшие продвижение политических реформ. В 1995 г. был дан старт проекту Евро-средиземноморского партнерства (EUROMED) (4), который имел как двусторонний (страновые соглашения об ассоциации с ЕС), так и макрорегиональный (интеграционный) характер (См. [20]). В 2004 г. произошло дополнение EUROMED стратегией Европейской политики соседства (ENP), в которую после снятия международных санкций была вовлечена и Ливия. В 2008 г. был запущен проект Средиземноморского союза (UfM). Однако, несмотря на наличие постоянного механизма обсуждения, организационной структуры и специального бюджета, результаты реализации этих инициатив применительно к арабским странам выглядели невыразительно (См. [3]). Крайне негативное влияние на их реализацию оказала война в Ираке.

Наряду с ЕС демократизацией региона были озабочены НАТО, «группа восьми», институты ООН и, конечно, США, декларировавшие продвижение реформ на Арабском Востоке в качестве внешнеполитической цели. Так, в 2004 г. США на саммите «группы восьми» выдвинули известный план «Большого (расширенного) Ближнего Востока», предусматривавший ускоренное продвижение политических и экономических реформ на территории от Мавритании до Пакистана.

Однако у самой американской администрации так и не возникло весомых идей относительно реализации поставленных задач, если не считать предложения работать над соглашением о зоне свободной торговли (по аналогии с EUROMED) и специализированных программ Государственного департамента в рамках Инициативы ближневосточного партнерства (MEPI).

Основным каналом «продвижения демократии» стали постоянное внешнеполитическое давление и деятельность различных правительственных и неправительственных организаций, в первую очередь Агентства США по международному развитию (USAID), Национального фонда поддержки демократии (NED) и MEPI, по развитию гражданского общества.

NED фактически является правительственной структурой, хотя формально может дистанцироваться от официальной линии США (это, в частности, позволяло Фонду поддерживать контакты с умеренными исламскими политическими активистами). В 2000-х гг. он активно занимался микрофинансированием различных общественных организаций и мероприятий.

Усилия MEPI в основном сосредоточены на проведении общественно-политических и просветительских акций, включая финансирование либеральной прессы. Часть ее проектов осуществлялась через американские дипломатические представительства, совместные торгово-промышленные палаты и деловые советы.

Крупнейшая из этих организаций — правительственная USAID — работает непосредственно с властными структурами соответствующих стран с целью реализации программ помощи. Агентство имеет общий стратегический план действий с Государственным департаментом, цели которого предусматривают в том числе содействие «справедливому и демократическому правлению». В 2008 г. в его распоряжении было более 24 млрд долл., в 2010 г. — около 32 млрд [32. Р. 19; 33. Р. 21].

Однако многочисленные инициативы по продвижению демократии и развитию гражданского общества объективно были значительно ограничены как недемократическим характером арабских режимов, так и спецификой самих гражданских структур, где ведущую роль играли исламские общественные организации. Это создавало серьезные проблемы для американской внешней политики — фактически у США на ближневосточном направлении не было действенных средств влияния на внутривосточную ситуацию (за исключением прямого вмешательства по иракскому сценарию). С приходом к власти Обамы и началом мирового экономического кризиса общее финансирование «программ демократизации» было сокращено.

США придавали огромное значение строительству демократии в Ираке, рассматривая его как своего рода пилотную страну региона. Однако в 2006 г. из-за истощения финансовых и военно-технических ресурсов началась пробуксовка «войн за демократизацию», да и вся политика «принуждения к партнерству» оказалась в подвешенном состоянии. Двойственный характер имела известная речь Обамы в Каире (2009 г.), где он говорил об уважении к исламу, воле народов и суверенитете Ирака, но также о приверженности демократии и готовности повсюду поддерживать права человека (См.: [44]).

Экономические реалии, привнесенные капиталистической интернационализацией 1990-х гг., также имели для арабского мира противоречивые последствия. Либерализация экономики и сотрудничество с такими международными институтами, как МВФ и Всемирный банк, позволили ему подключиться к мировым хозяйственным связям, привлечь инвестиции, получить технологическую поддержку, осуществить инфраструктурные программы и др., но вместе с тем сделали заложником мировой экономической конъюнктуры. Страны, которые прибегали к помощи МВФ, были вынуждены соблюдать финансовую дисциплину и ограничивать социальную нагрузку бюджета. Особенно болезненно это было для тех, кто не входил в круг крупнейших экспортеров углеводородов и имел в силу прошлой «социалистической ориентации» значительный государственный сектор экономики (Египет, Алжир, Тунис, Сирия). Реформа этого сектора, помимо социально-экономических последствий, была также весьма чувствительной в силу его идейной привязки к борьбе за независимость и арабскому социализму.

Согласно неолиберальному Индексу экономической свободы 2010 г. в результате структурной перестройки экономики «преимущественно свободным» был признан Бахрейн, «умеренно свободными» — Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ, Иордания, Королевство Саудовская Аравия (КСА), «преимущественно несвободными» — Ливан, Марокко, Египет, Тунис, Алжир, «подавляемыми» — остальные [18]. Несомненно однако, что подключение всех арабских государств к мировым экономическим процессам ускорило изменение социальной структуры и вызвало рост социальных требований. В меньшей степени эти изменения сказались на политической ситуации в монархиях Персидского залива, где элиты посредством прямого распределения природной ренты могли в значительно большей степени соответствовать экономическим ожиданиям населения.

Таким образом, внешние усилия по демократизации региона прямо не продвинули демократических реформ (за исключением иракского случая). Не западное вмешательство стало и непосредственной причиной «весны» — и США, и Европа действовали в новых обстоятельствах весьма прагматично, особенно учитывая опыт «войн за права человека». Отсутствие консолидированной позиции западных акторов продемонстрировали, в частности, долгие согласования общей позиции по Ливии (2011 г.). Эскалация сирийского кризиса была в первую очередь инспирирована региональными игроками (Катаром, КСА, Турцией), предпринявшими попытку сместить «конфессионально неудобный» алавитский режим.

Однако влияние международной среды было весьма велико по другому направлению, которое можно определить как «демонстрационный эффект». Широкая доступность информации об уровне и качестве жизни в развитых странах, функционировании демократических институтов, уважении прав человека, социальной защите и др. стала мощным стимулом перемен. Этот эффект обусловил и чувство социальной депривации даже в условиях повышения уровня жизни в арабских странах (См.: [1]).

Распространению нового политического образца также способствовала трудовая миграция, усилившаяся в результате структурной перестройки экономики и барселонского процесса. Развитие коммуникационных и информационных технологий привело к распространению неформальных сетей, которые политические реалии арабских обществ трансформировали в гражданские структуры. Молодые блогеры успешно использовали электронные СМИ для мобилизации единомышленников на протестные выступления. Группы в *Facebook* и видео на *YouTube* учили, как быть политически равнодушным и фиксировали внимание последователей на острейших политических вопросах, в частности, нарушениях прав человека. Лозунг отставки Мубарака был впервые выдвинут в 2008 г. в ходе забастовки рабочих в промышленном районе аль-Махалла аль-Кубра: движение, созданное в поддержку бастующих, превратилось в Движение 6 апреля, сыгравшее позднее важную роль в генезисе египетской революции.

Сдвиги, произошедшие в умонастроениях и ориентациях граждан, зафиксировали социологические опросы. Например, по данным Pew Research Center за апрель—май 2010 г., демократию в Египте и Иордании респонденты оценивали следующим образом:

Таблица 1

Оценки предпочтительности демократии в Египте и Иордании

Страны	Демократия предпочтительней любой другой формы правления (%)	В определенных обстоятельствах недемократическое правление может быть предпочтительней (%)	Для таких, как я, неважно, какую форму правления мы имеем (%)	Не знаю (%)
Египет	59	22	16	2
Иордания	69	17	10	4

Источник: Egypt, Democracy, and Islam [30].

Примечательно, что в мае 2011 г., в условиях острейшего кризиса власти и систем жизнеобеспечения, на первый вопрос в Египте утвердительно ответили уже 71% респондентов [19]. В 2012 г. продолжали верить в демократию 67% [42].

Логично сделать вывод, что внутренние факторы играли и играют ведущую роль в режимных изменениях в арабском регионе. Даже протестные выступления в Сирии не приняли бы формы гражданской войны с участием зарубежных «спонсоров», если бы Асад-мл. последовательно легализовал политическое участие демократической и умеренной исламистской оппозиции и усилил роль законодательной власти. Конкретные факторы и риски политической дестабилизации в различных арабских странах были освещены в ряде работ российских авторов (См.: [9; 10]).

Демократизация и ислам

Активно дискутируемым в научных и журналистских кругах остается вопрос о самой возможности демократических реформ в мусульманских странах. После начала «глобальной войны с терроризмом» в 2001 г. спор о совместимости ислама с демократией и, как следствие, участия исламских организаций в политике принял почти что экзистенциальный характер.

Ряд исследователей полагают, что ислам в принципе несовместим с современностью и, соответственно, с демократией, поскольку не подвергался реформе и остался «целостным» (т.е. не претерпел разделения на публичное и индивидуальное, политическое и религиозное) (См.: [31; 21; 36]).

Поскольку рационализация отношения к священному была важнейшим условием демократических процессов в Европе, о необходимости реформы, которая положит конец «тотальности» ислама, говорят представители исламского модернизма — в основном мусульманские интеллектуалы, работающие в западных странах, но также и российские авторы (См.: [11; 47; 48; 50; 51]).

Большинство публичных дебатов на эту тему в той или иной степени продолжает страдать от неточностей теоретико-методологического характера: это отождествление демократии с либеральной демократией, а либеральной демократии — с развитием, приравнивание политического ислама к радикализму и экстремизму, игнорирование изменений в мусульманской среде на уровне семьи и индивидуального поведения.

В контексте размышлений о демократизации в странах исламского ареала важно отметить, что мы имеем в виду не распространение либеральных ценностей, а расширение режима участия и подотчетности власти. Вполне понятно, что подавляющее большинство граждан арабских стран, говоря о предпочтительности демократии, не являются сторонниками либерализма (об этом прямо говорит низкая популярность либеральных партий). Но вполне возможно оценивать демократические установки и ориентации населения, руководствуясь минималистским пониманием демократии, которое в целом соответствует определению полиархии, разработанному Р. Далем (См.: [23]); оно используется при расчете индексов демократии. Так, основными критериями «электоральной демократии» Дома свободы (Freedom House) являются соревновательная многопартийная политическая система, всеобщее голосование, регулярные альтернативные выборы

при отсутствии существенных нарушений, значимая связь между основными политическими партиями и электоратом. По этой оценке Египет за двенадцатимесячный период после «антиисламистского» военного переворота 2013 г. осуществил «отступление от демократии» (См.: [30]).

По нашему мнению, гражданская политическая активность исламских организаций не может рассматриваться как фактор, препятствующий модернизации и демократизации. Аналитический потенциал секулярной парадигмы, которая по-прежнему имеет немало приверженцев в кругах политиков и экспертов, явно недостаточен для объяснения многих современных процессов, включая сохраняющуюся глобальную публичность религии и социально-политическую активность религиозных институтов в современном мире (См.: [4]).

Ислам, как и любая другая великая традиция, представляет собой сложную систему идей, верований и доктрин. Он полон амбивалентных смыслов, которые могут приобретать различное социальное звучание в зависимости от трактовки и исторического контекста. Говорить от имени ислама, как показывает практика, может не только оппозиция, но и власть.

Исламские политические организации сохраняют широкую популярность потому, что за ними (или, точнее, над ними) витает образ справедливого мусульманского общества. Ю.М. Почта и Т.Ю. Оберемко точно подмечают, что, хотя этот образ — симулякр, который не имеет референта и не может быть реализован путем имплементации шариата, он может играть политическую роль [7. С. 16]. В такой религиозной системе, как ислам (о его предрасположенности к политизации см.: [5. С. 158—159]), он обеспечивает мобилизацию и консолидацию электората. При этом его приверженцы могут не обращать внимание на конкретные программы поддерживаемых ими организаций. Например, несмотря на то, что экономическая программа «Братьев-мусульман» в Египте была в целом либеральной, за них голосовали те, кто хотел усиления социальной ответственности государства и не просто роста экономики, но перераспределения доходов в пользу социальных нужд [40. Р. 128]. Расхождением между реальным и воображаемым вызвало значительное ослабление поддержки политического крыла «Братьев» — Партии свободы и справедливости к лету 2013 г. (однако это отнюдь не означает сужения ниши исламской политической деятельности в перспективе).

По нашему мнению, изменения мусульманской среды, вызываемые общемировыми политическими, экономическими, культурно-информационными сдвигами, делают неактуальным вопрос о необходимости реформы ислама ради демократизации. Это подтверждает пример наиболее развитых мусульманских государств — Турции, Малайзии, Индонезии.

Политическое и социально-экономическое развитие не только сужает базу воспроизводства традиционалистского сознания, но и меняет структуру идентичности мусульманина, делая ее более сложной и гибкой. При этом развитие не обязательно подрывает позиции религии — скорее видоизменяет характер проявления религиозности. По результатам Всемирного обзора ценностей (WVS), в настоящее время существенной разницы между социально-политическими установками населения на Западе и в мусульманских регионах не отмечается, за ис-

ключением вопросов гендерного равноправия и сексуальной свободы (См.: [43]). Такой авторитетный исследователь демократии, как А. Пшеворский, подтверждает, что «все религиозные традиции всегда были совместимы с самым широким спектром политических устройств» [8. С. 368].

Если говорить о феномене, называемом политическим исламом (исламизмом), то при своем возникновении (Ассоциация «Братьев-мусульман» в 1928 г.) он не мог не иметь радикальной компоненты, обусловленной прямой зависимостью традиционных арабских элит от Запада, а позже — обращением новых республиканских элит к заимствованным светским идеологиям и авторитарным политическим формам. По мере либерализации режимов его мейнстрим стал принимать более умеренный характер, о чем сегодня свидетельствует легальное участие многих исламских партий в политических процессах в Марокко, Алжире, Тунисе, Иордании, Ираке, Ливане и других, в том числе неарабских, странах. В «исламской» египетской конституции 2012 г. была статья о недопущении создания партий, которые практикуют дискриминацию на основе пола, происхождения или религии.

По существу, современные исламские политические партии и организации выражают интересы, взгляды и ценности людей, для которых религиозная идентичность имеет очень важное значение, но не исключает других (национальной, гражданской, политической, этнической, культурной и пр.). В тех арабских странах, где имела место легализация этих партий до рассматриваемых событий (Марокко, Алжир, Иордания, Ливан, Ирак и др.), была заложена основа инфраструктуры для переговорного процесса.

Таблица ниже показывает, как оценивали влияние ислама на политику жители Туниса, Египта, Ливана и Иордании в 2012 г.

Таблица 2

Оценка роли ислама в политике

Страны	Ислам играет ... большую роль (%)	Вы считаете это ... (ответы тех, кто признает большую роль ислама)	
		хорошо	плохо
Тунис	84	82	11
Египет	66	61	30
Ливан	61	43	36
Иордания	31	48	46

Источник: Most Muslims Want Democracy ... [42].

Рост насилия со стороны государства, как и ослабление центральной власти, безусловно, влекут за собой рост исламского радикализма и экстремизма.

**Государственные институты,
идентичность и реформы**

Вопрос о политических реформах в арабском мире не может рассматриваться без учета фактора эффективности государственных институтов. Как отмечает Д. Норт, институты определяют величину транзакционных и трансфор-

мационных издержек и, следовательно, определяют рентабельность и привлекательность той или иной экономической или политической деятельности (См.: [6]). Однако создание современных политических институтов в странах региона является сложной задачей ввиду неорганического характера модернизации (и, соответственно, копирования или заимствования рамки нации-государства) и недостаточного опыта — все арабские политии очень молоды.

Серьезнейшей проблемой остается конструирование национальной идентичности: историческое наследие Арабского халифата и Османской империи, как и сам Коран, способствовало закреплению панарабской и панисламской идентичностей, а постколониальное оформление границ во многих случаях усилило секторальные (этнические, конфессиональные, племенные и пр.) расколы. В частности, по данным опроса молодежи, проведенным исследовательским центром «Аль-Джазиры» в 2013 г., только египетская молодежь поставила на первое место египетскую идентичность, а большинство молодых людей в Тунисе, Ливии и Йемене — исламскую [38]. Эти эффекты, наряду с социально-экономическим отставанием и внешним давлением (фактор Израиля, политика Запада в отношении ряда правящих элит и др.), продолжают затруднять создание национальных политических институтов.

Эффективность институтов фиксируют различные глобальные индексы. Так, Мировые показатели управления (WGI) Всемирного банка охватывают 199 стран и имеют 6 измерений (См.: [39]): право голоса и подотчетность (власти); политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма; эффективность правительства; регулятивные способности (способности правительства разрабатывать и осуществлять эффективную политику по развитию частного сектора); верховенство закона; контроль над коррупцией. Если исключить первый показатель, связанный прежде всего с типом режима, то наиболее успешными в арабском мире оказываются институты монархий Персидского залива и Иордании. Неслучайно с 1990-х гг. правящие элиты этих стран уделяли очень большое внимание повышению уровня государственного управления. «Хорошие» институты исполнительной власти во многих случаях позволяют предупредить если не появление, то разрастание политических конфликтов. Однако по всем другим арабским странам эти показатели являются низкими.

Еще одним известным индексом является Индекс несостоятельности государств (FSI) Фонда мира, ежегодно рассчитываемый для 178 государств по 12 показателям, разбитым на три группы (социальная, экономическая, политическая). Политическими индикаторами, в частности, выступают: криминализация и/или делегитимация государства; прогрессирующее ухудшение общественных служб (здравоохранение, образование и др.); неприменение или избирательное применение закона и широкие нарушения прав человека; неподконтрольность структур безопасности; рост раскола элит; вмешательство других государств или внешних политических акторов (См. [37]).

По данным FSI 2014 г., в число «стабильных государств» на Арабском Востоке входят только Катар и ОАЭ, «менее стабильных» — Кувейт и Оман, «внушающих опасения» — Бахрейн, «внушающих сильные опасения» — Алжир, Ту-

нис, Иордания, Марокко, Саудовская Аравия, «внушающих очень сильные опасения» — Ливия, Джибути и Ливан. В зоне «опасности» находятся Мавритания и Египет, «сильной опасности» — Йемен, Ирак и Сирия, «очень сильной опасности» — Судан [35].

В слабом государстве центр политики перемещается на уровень неформальных институтов — различных социальных организаций и групп (семейных, региональных, конфессиональных, племенных и пр.), которые не позволяют государству стать автономным или лишают его определенной части полномочий. Например, провал недолгого правления Мурси в Египте был обусловлен в том числе фактическим бойкотом со стороны «мубараковского» административного аппарата.

Одним из важнейших факторов неблагополучия государства является утрата полноты территориального контроля, которая особенно высока в случае совпадающих (региональных и конфессиональных, региональных и этнических) расколов. Эти расколы, как отмечалось выше, — следствие постколониальной «нарезки территорий» многих арабских стран (Ливана, Сирии, Ирака, Йемена, Ливии и др.). Тунис продвинулся на пути демократизации в том числе благодаря своей гомогенности (98% населения имеют арабо-берберское происхождение). Политическая организация разделенных обществ — проблема не только для Востока, но и для Запада, но на Западе она имеет качественно иное разрешение благодаря чувству принадлежности к демократическому гражданскому сообществу.

Заключение

Можно констатировать, что запрос на политические реформы в арабских обществах созрел. «Арабская весна», хотя и принеся в период расцвета ограниченные результаты касательно демократизации, будет иметь долгосрочный политический эффект. Данные социологических опросов, как и требования протестующих, показывают, что большинство населения с одобрением относится к идеям и институтам демократии (правам человека, политическому плюрализму, разделению властей и др.) и понимают значимость политического участия. Распространению новых политико-культурных установок в первую очередь способствовало изменение социальной структуры арабских обществ под воздействием социально-экономических реформ и эффектов глобализации. Прямое «демократизаторское» давление Запада сыграло свою роль в произошедших изменениях, но не было определяющим.

Представления о демократии в арабском мире в большинстве своем далеки от либеральных. Поэтому при анализе происходящих режимных изменений оправдан подход, который трактует демократию в минималистском ключе — как соревновательность, многопартийность, всеобщее голосование, регулярные альтернативные выборы, связь между партиями и электоратом.

Особенности исламской традиции и очень высокая религиозность населения не позволяют исключить религию из публичного пространства. Во многих арабских странах исламские партии и организации выражают интересы и взгляды значительного числа верующих граждан, которые в той или иной степени полагают

ислам неотъемлемой составляющей общественно-политической жизни. Эти партии вряд ли могут предопределить исход демократизации, но их политическое участие имеет существенное значение для развития самого этого процесса. При этом, как показывает опыт не только европейских, но и азиатских стран, только демократизация постепенно влечет за собой снижение значимости публичного проявления как религиозности, так и секулярности. Исламские партии, в свою очередь, не могут не воспринимать и не отражать в своей деятельности изменений в арабском социуме.

Арабская «волна демократизации» практически везде, за исключением Туниса, не смогла подняться из-за слабости современных политических институтов (парламентов, партий, выборов) там, где они функционировали. Авторитарные лидеры не стремились придать им ценность и эффективность, занимаясь имитацией политической конкуренции и неформальными сделками. Не приобретя общественной ценности, эти институты не смогли стать инфраструктурой для урегулирования разразившегося кризиса. Общий невысокий, за рядом исключений, уровень эффективности государственного управления в сочетании с коррупцией стал дополнительным фактором долговременной дестабилизации.

Огромное влияние на протекание реформ оказывает превалирование партикулярных идентичностей над общегражданской. Секторальные расколы, во многом обусловленные особенностями создания независимых арабских государств, затрудняют поиск политических компромиссов и создают возможности для вмешательства в политический процесс заинтересованных региональных и внерегиональных акторов. Это обернулось длительными вооруженными конфликтами в Ливии, Сирии и Йемене.

В современных условиях арабские недемократические режимы, чтобы поддерживать стабильность, должны не имитировать деятельность публичных институтов, а насыщать ее реальным содержанием, а также повышать уровень административного управления. Это означает в том числе и ограничение властных полномочий правящих элит, но в ином случае демократические «порывы» могут разрушить само государство. В зоне наиболее высокого риска оказываются прежде всего республиканские системы с неконкурентной политической сферой, поскольку легитимность власти в них заведомо ниже, чем в монархиях. Примером новых вызовов может служить усиление «Исламского государства» — возрожденной при ослаблении национального государства (5) досовременной формы организации мусульманского социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Вслед за большинством компаративистов (Дж. ЛаПаломбара, Г. Алмонд, Л. Пай и др.) мы придерживаемся структурно-функционального подхода к развитию и считаем его главными характеристиками дифференциацию политических структур и специализацию ролей, повышающих производительность политической системы.
- (2) Согласно рассчитываемому «Экономист» Индексу демократии, «полные демократии» набирают от 8 до 10 баллов, «неполные» — от 6 до 8, «гибридные режимы» — от 3,96 до 6, «авторитарные» — от 1 до 3,93.

- (3) Отмечая изменения в поведении арабских демонстрантов, О. Руа пишет, что они уже не сжигают толпой американские или израильские флаги, но выступают за права и достоинство человека [49. Р. 8—10].
- (4) Евро-средиземноморское партнерство (Барселонский процесс) – соглашения об ассоциации ЕС и 8 арабских стран южного и восточного Средиземноморья (включая Палестинскую национальную автономию), а также Турции и Израиля; статус наблюдателя имели Ливия, Мавритания, Лига арабских государств и Союз арабского Магриба.
- (5) Термин «национальное государство» мы употребляем в отношении арабских стран с известным допущением, поскольку рамка *nation-state* продолжает оставаться скорее ориентиром государственного строительства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кашина А.* «Жасминовая революция» в Тунисе // *Обозреватель — Observer*. 2011. № 7. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N7_2011/074_082.pdf.
- [2] *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: Власть и религия // *Политическая наука*. 2013. № 2.
- [3] *Кудряшова И.В.* Европа и «арабская весна» // *Актуальные проблемы Европы*. 2012. № 3.
- [4] *Кудряшова И.В.* Как изучать взаимодействие религии и политики? // *Политическая наука*. 2013. № 2.
- [5] *Кудряшова И.В.* Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // *Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* / отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012.
- [6] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- [7] *Почта Ю.М., Оберемко Т.В.* Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // *Вестник РУДН. Серия «Политология»*. 2014. № 1.
- [8] *Пиеворский А.* Незападная демократия на Западе // *Демократия в российском зеркале*. М.: МГИМО, 2013.
- [9] Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. М.: ЛКИ, 2012.
- [10] Типология конфликтов: «новые войны» и ситуация на Ближнем Востоке / отв. ред. И.Я. Кобринская. М.: ИМЭМО РАН, 2013.
- [11] *Хаким Р.* Где наша Мекка? Казань: Магариф, 2003.
- [12] *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- [13] *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
- [14] *Харитонова О.Г.* Недемократические политические режимы // *Политическая наука*. 2012. № 3.
- [15] Дустур аль-Джумхурийати аль-Арабийати ас-Сурийати (Конституция Сирийской Арабской Республики 2012 г.). (на араб. яз.) URL: <http://parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=5518&cat=423&>.
- [16] Дустур Джумхурийати Миср аль-Арабийати (Конституция Арабской Республики Египет 2014 г.). (на араб. яз.) URL: <http://www.parliament.gov.eg/destour.aspx>.
- [17] Дустур Джумхурийати Миср аль-Арабийати (Конституция Арабской Республики Египет 1971 г. с поправками) (на араб. яз.) URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=190040.

- [18] 2010 Index of Economic Freedom. URL: http://www.heritage.org/index/pdf/2010/index2010_highlights.pdf.
- [19] Arab Spring Fails to Improve U.S. Image. Pew Research Center Q 8. URL: <http://www.pewglobal.org/2011/05/17/chapter-3-views-of-democracy-and-the-role-of-islam>.
- [20] Barcelona Declaration Adopted at the Euro-Mediterranean Conference 27—28.11.1995. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2005/july/tradoc_124236.pdf.
- [21] *Bruce S.* Politics & Religion. Cambridge, Malden: Polity Press, 2003.
- [22] Constitution of the Tunisian Republic. Unofficial translation by Jasmine Foundation. URL: http://www.jasmine-foundation.org/doc/unofficial_english_translation_of_tunisian_constitution_final_ed.pdf.
- [23] *Dahl R.* Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1972.
- [24] Democracy Index 2011. Democracy under Stress. A Report from the Economist Intelligence Unit. URL: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2011_Updated.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2011.
- [25] Democracy Index 2012. Democracy at a Standstill. A Report from the Economist Intelligence Unit. URL: https://portoncv.gov.cv/dhub/porton.por_global.open_file?p_doc_id=1034.
- [26] Democracy Index 2013. Democracy in Limbo. A Report from the Economist Intelligence Unit. URL: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2013_WEB-2.pdf&mode=wp&campaignid=Democracy0814.
- [27] *Diamond L.* Thinking about Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002, April. Vol. 13, № 2.
- [28] *Doorenspleet R.* Democratic Transitions: Exploring the Structural Sources of the Fourth Wave. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2005.
- [29] Egypt, Democracy and Islam. Pew Research Center Q 17. URL: <http://pewresearch.org/pubs/1874/egypt-protests-democracy-islam-influence-politics-islamic-extremism>.
- [30] Egypt Democracy Compass. Year in Review: July 2013 — June 2014. URL: <http://freedomhouse.org/sites/default/files/blog/EDC%20Year%20In%20Review%20Infographic%20JPEG.jpg>.
- [31] *Elhadj E.* The Islamic Shield: Arab Resistance to Democratic and Religious Reforms. Boca Raton: BrownWalker press, 2006.
- [32] Fiscal Year 2008 Agency Financial Report. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PDACM111.pdf.
- [33] Fiscal Year 2010 Agency Financial Report. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pdacq500.pdf.
- [34] Full Unofficial Results of Egypt's Constitution Referendum: A Visual Breakdown. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/61119.aspx>.
- [35] Fragile States Index 2014 / Fund for Peace. URL: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2014>.
- [36] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of the Modern World. N.Y.: Simon and Schuster, 1996.
- [37] The Indicators / Fund for Peace. URL: <http://ffp.statesindex.org/indicators>.
- [38] In the Latest Poll: The Youth Are Optimistic about Their Future Despite the Difficulties // Al Jazeera Centre for Studies. 2013. URL: <http://studies.aljazeera.net/en/centernews/201372911558721597.htm>.
- [39] *Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* The Worldwide Governance Indicators. Methodology and Analytical Issues. — Development Research Group, Macroeconomics and Growth Team. 2010. September. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1682130.
- [40] *Masoud T.* Counting Islam: Religion, Class, and Elections in Egypt. N.Y.: Cambridge University Press, 2014.
- [41] *McFaul M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // World Politics. 2002. № 54.
- [42] Most Muslims Want Democracy, Personal Freedoms, and Islam in Political Life. — July 10, 2012. URL: <http://www.pewglobal.org/files/2012/07/Pew-Global-Attitudes-Project-Arab-Spring-Report-FINAL-Tuesday-July-10-2012.pdf>.

- [43] *Norris P., Inglehart I.* Sacred and secular: Religion and politics worldwide. 2nd ed. N.Y.: Cambridge university press, 2011.
- [44] *Obama B.* Remarks on the New Beginning. Cairo University, Cairo, Egypt. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>.
- [45] Official Vote Result: 98.1% Approves Egypt's post-June 30 Constitution. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/155/91874/Egypt/Constitution-/Official-vote-result--approves-Egypt's-postJune--co.aspx>.
- [46] *Popescu C.C.* Is There a Fourth Wave of Democracy or Not? An Evaluation of the Latest Theories // *The USV Annals of Economics and Public Administration*. 2012. Vol. 12. Issue 1(15).
- [47] *Ramadan T.* Western Muslims and the Future of Islam. N.Y.: Oxford university press, 2004.
- [48] *Ramadan T.* Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation. N.Y.: Oxford university press, 2009.
- [49] *Roy O.* The Transformation of the Arab World // *Journal of Democracy*. 2012. Vol. 23. № 3.
- [50] *Tibi B.* Political Islam, World Politics and Europe: Democratic Peace and Euro-Islam versus Global Jihad. N.Y.: Routledge, 2008.
- [51] *Tibi B.* Islam's Predicament with Modernity: Religious Reform and Cultural Change. N.Y.: Routledge, 2009.

POLITICAL DEVELOPMENT CRISIS IN THE ARAB DIMENSION

I.V. Kudryashova

The Department of Comparative Politics
Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University) under Ministry of Foreign Affairs of Russia
Vernadskogo Pr-ct, 76, Moscow, Russia, 119454

The article explores political change detected by the «Arab spring» in the Arab states. Its events and effects are interpreted as an expression of the destabilization of the Arab political systems under the pressure of growing mass expectations accompanied by the weakness of ties between different social groups, and low efficiency, as well as legitimacy, of political institutions. The development crises are studied in the contexts of regime change, formation of new political and cultural civic orientations, and institution building.

Key words: Arab state, regime change, democratization, political institutions, political Islam.

REFERENCES

- [1] Kashina A. «Zhasminovaja revolucija» v Tunisie. *Obozrevatel' — Observer*. 2011. № 7. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N7_2011/074_082.pdf.
- [2] Kosach G.G. Saudovskaja Aravija: Vlast' i religija. *Politicheskaja nauka*. 2013. № 2.
- [3] Kudrjashova I.V. Evropa i «arabskaja vesna». *Aktual'nye problemy Evropy*. 2012. № 3.
- [4] Kudrjashova I.V. Kak izuchat' vzaimodejstvie religii i politiki? *Politicheskaja nauka*. 2013. № 2.
- [5] Kudrjashova I.V. Politicheskie izmenenija i transformacija identichnosti v stranah musul'manskogo Vostoka. *Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti: v 2 tt. T. 2: Identichnost' i social'no-politicheskie izmenenija v XXI veke*. Ed. I.S. Semenenko. M.: ROSSPJeN, 2012.

- [6] Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki. Per. s angl. A.N. Nesterenko; predisl. i nauch. red. B.Z. Mil'nera. M.: Fond jekonomicheskoj knigi «Nachala», 1997.
- [7] Pochta Ju.M., Oberemko T.V. Politicheskoe znachenie islamskogo fundamentalizma v jepohu postmoderna. *Vestnik RUDN: Serija Politologija*. 2014. № 1.
- [8] Pshevorskij A. Nezapadnaja demokratija na Zapade. Demokratija v rossijskom zerkale. M.: MGIMO, 2013.
- [9] Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov: Arabskaja vesna 2011 goda. Ed. A.V. Korotaev, Ju.V. Zin'kina, A.S. Hodunov. M.: LKI, 2012.
- [10] Tipologija konfliktov: «novye vojny» i situacija na Blizhnem Vostoke. Ed. I.Ja. Kobrinskaja. M.: IMJeMO RAN, 2013.
- [11] Hakim R. Gde nasha Mekka? Kazan': Magarif, 2003.
- [12] Hantington S. Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah. M.: Progress-Tradicija, 2004.
- [13] Hantington S. Tret'ja volna. Demokratizacija v konce XX veka. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2003.
- [14] Haritonova O.G. Nedemokraticheskie politicheskije rezhimy. *Politicheskaja nauka*. 2012. № 3.
- [15] Dustur al'-Dzhumhuriyati al'-Arabijati as-Surijati (Konstitucija Sirijskoj Arabskoj Respubliki 2012 g.). (na arab. jaz.) URL: <http://parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=5518&cat=423&>
- [16] Dustur Dzhumhuriyati Misr al'-Arabijati (Konstitucija Arabskoj Respubliki Egipet 2014 g.) (na arab. jaz.). URL: <http://www.parliament.gov.eg/destour.aspx>.
- [17] Dustur Dzhumhuriyati Misr al'-Arabijati (Konstitucija Arabskoj Respubliki Egipet 1971 g. s pravkami) (na arab. jaz.). URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=190040.
- [18] 2010 Index of Economic Freedom. URL: http://www.heritage.org/index/pdf/2010/index2010_highlights.pdf.
- [19] Arab Spring Fails to Improve U.S. Image. Pew Research Center Q 8. URL: <http://www.pewglobal.org/2011/05/17/chapter-3-views-of-democracy-and-the-role-of-islam>.
- [20] Barcelona Declaration Adopted at the Euro-Mediterranean Conference 27—28.11.1995. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2005/july/tradoc_124236.pdf.
- [21] Bruce S. Politics & Religion. Cambridge, Malden: Polity Press, 2003.
- [22] Constitution of the Tunisian Republic. Unofficial translation by Jasmine Foundation. URL: http://www.jasmine-foundation.org/doc/unofficial_english_translation_of_tunisian_constitution_final_ed.pdf.
- [23] Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1972.
- [24] Democracy Index 2011. Democracy under Stress. A Report from the Economist Intelligence Unit. URL: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2011_Updated.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2011.
- [25] Democracy Index 2012. Democracy at a Standstill. A Report from the Economist Intelligence Unit. URL: https://portoncv.gov.cv/dhub/porton.por_global.open_file?p_doc_id=1034.
- [26] Democracy Index 2013. Democracy in Limbo. A Report from the Economist Intelligence Unit. URL: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2013_WEB-2.pdf&mode=wp&campaignid=Democracy0814.
- [27] Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*. 2002, April. Vol. 13. № 2.
- [28] Doorenspleet R. Democratic Transitions: Exploring the Structural Sources of the Fourth Wave. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2005.
- [29] Egypt, Democracy and Islam. Pew Research Center Q 17. URL: <http://pewresearch.org/pubs/1874/egypt-protests-democracy-islam-influence-politics-islamic-extremism>.
- [30] Egypt Democracy Compass. Year in Review: July 2013 — June 2014. URL: <http://freedomhouse.org/sites/default/files/blog/EDC%20Year%20In%20Review%20Infographic%20JPEG.jpg>.

- [31] Elhadj E. *The Islamic Shield: Arab Resistance to Democratic and Religious Reforms*. Boca Raton: BrownWalker press, 2006.
- [32] Fiscal Year 2008 Agency Financial Report. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PDACM111.pdf.
- [33] Fiscal Year 2010 Agency Financial Report. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pdacq500.pdf.
- [34] Full Unofficial Results of Egypt's Constitution Referendum: A Visual Breakdown. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/61119.aspx>.
- [35] Fragile States Index 2014 / Fund for Peace. URL: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2014>.
- [36] Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the Modern World*. N.Y.: Simon and Schuster, 1996.
- [37] The Indicators / Fund for Peace. URL: <http://ffp.statesindex.org/indicators>.
- [38] In the Latest Poll: The Youth Are Optimistic about Their Future Despite the Difficulties // Al Jazeera Centre for Studies. 2013. URL: <http://studies.aljazeera.net/en/centernews/201372911558721597.htm>.
- [39] Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. *The Worldwide Governance Indicators. Methodology and Analytical Issues*. — Development Research Group, Macroeconomics and Growth Team. 2010. September. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1682130.
- [40] Masoud T. *Counting Islam: Religion, Class, and Elections in Egypt*. N.Y.: Cambridge University Press, 2014.
- [41] McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World. *World Politics*. 2002. № 54.
- [42] Most Muslims Want Democracy, Personal Freedoms, and Islam in Political Life. July 10, 2012. URL: <http://www.pewglobal.org/files/2012/07/Pew-Global-Attitudes-Project-Arab-Spring-Report-FINAL-Tuesday-July-10-2012.pdf>.
- [43] Norris P., Inglehart I. *Sacred and secular: Religion and politics worldwide*. 2nd ed. N.Y.: Cambridge university press, 2011.
- [44] Obama B. Remarks on the New Beginning. Cairo University, Cairo, Egypt. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>.
- [45] Official Vote Result: 98.1% Approves Egypt's post-June 30 Constitution. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/155/91874/Egypt/Constitution-/Official-vote-result--approves-Egypt's-postJune--co.aspx>.
- [46] Popescu C.C. Is There a Fourth Wave of Democracy or Not? An Evaluation of the Latest Theories. *The USV Annals of Economics and Public Administration*. 2012. Vol. 12. Issue 1 (15).
- [47] Ramadan T. *Western Muslims and the Future of Islam*. N.Y.: Oxford university press, 2004.
- [48] Ramadan T. *Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation*. N.Y.: Oxford university press, 2009.
- [49] Roy O. The Transformation of the Arab World. *Journal of Democracy*. 2012. Vol. 23. № 3.
- [50] Tibi B. *Political Islam, World Politics and Europe: Democratic Peace and Euro-Islam versus Global Jihad*. N.Y.: Routledge, 2008.
- [51] Tibi B. *Islam's Predicament with Modernity: Religious Reform and Cultural Change*. N.Y.: Routledge, 2009.